

ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ

EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION ABROAD

Научная статья

УДК 343.325:343.241 (575.2)

EDN GBXHLE

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(3).273-281

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕПАРАТИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г.Б. Жунушова

Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
г. Бишкек, Кыргызская Республика

Информация о статье

Дата поступления

9 марта 2023 г.

Дата принятия в печать

8 июля 2023 г.

Дата онлайн-размещения

18 июля 2023 г.

Ключевые слова

Уголовная ответственность;
сепаратизм; сепаратистская
деятельность; территориальная
целостность; состав преступления;
насилованный способ; уголовное
законодательство Кыргызской
Республики

Аннотация. В научной статье исследованы особенности законодательной конструкции уголовно-правовой нормы об ответственности за сепаратистскую деятельность в уголовном законодательстве Кыргызской Республики. Отмечено, что объектом преступного посягательства в составе преступления выступают общественные отношения, направленные на обеспечение и защиту территориальной целостности государства, действие на всей территории государства законной государственной власти. Сложность определения объективной стороны сепаратистской деятельности связана с отсутствием единообразной универсальной дефиниции сепаратизма в рамках национального и международного законодательства. В уголовном законодательстве Кыргызской Республики предусмотрено установление уголовной ответственности за нарушение территориальной целостности государства, совершенное только насильственным способом. Все иные способы совершения действий, направленных на нарушение территориальной целостности, не криминализованы, что выступает недостатком действующего уголовного законодательства Кыргызской Республики. Такая конструкция объективной стороны сепаратистской деятельности делает нежизнеспособной рассматриваемую уголовно-правовую норму, а также затрудняет разграничение составов сепаратистской деятельности с составами насильственного захвата власти, вооруженного мятежа и др. В целях совершенствования защиты территориальной целостности государства средствами уголовного закона в исследовании предлагается имплементировать опыт Российской Федерации в уголовное законодательство Кыргызской Республики и криминализовать такие ненасильственные способы сепаратизма, как публичные призывы к нарушению территориальной целостности государства и публичная пропаганда сепаратизма. Одной из проблем привлечения к уголовной ответственности за сепаратистскую деятельность выступает неразработанность признаков ее субъекта при насильственном способе совершения. Так, установление признаков общего субъекта при совершении нарушения территориальной целостности государства не только способствует смешению рассматриваемого состава преступления со смежными составами, но и затрудняет вменение вины конкретному лицу ввиду того, что насильственная сепаратистская деятельность сложно осуществима отдельным индивидом. Обнаруженные недостатки конструкции уголовно-правовой нормы и предложенные пути их устранения могут выступать в качестве направлений для дальнейшего совершенствования обеспечения территориальной целостности государства средствами уголовного законодательства Кыргызской Республики.

Original article

PROBLEMS OF LIABILITY FOR SEPARATIST ACTIONS UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Gulnura B. Junushova

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin,
Bishkek, the Kyrgyz Republic

Article info

Received

2023 March 9

Abstract. The author studies the specifics of the legislative structure of the criminal law norm on liability for separatist actions in the criminal legislation of the Kyrgyz Republic. The object of this crime is public relations aimed at protecting and ensur-

Accepted

2023 July 8

Available online

2023 July 18

Keywords

Criminal liability; separatism; separatist actions; territorial integrity; corpus delicti; violent way; criminal legislation of the Kyrgyz Republic

ing the territorial integrity of the state and the exercise of lawful state power on the whole territory of the state. The difficulty of defining the objective side of separatist actions is connected with the absence of a consistent and universal definition of separatism in national or international legislations. The criminal law of the Kyrgyz Republic stipulates criminal liability for violating the territorial integrity of the state with the use of force. All other methods of committing actions aimed at violating territorial integrity are not criminalized, which is a drawback of the current criminal legislation of the Kyrgyz Republic. Such a structure of the objective side of separatist actions renders this criminal law norm unviable and hinders the differentiation between separatist actions and a violent seizure of power, an armed rebellion, etc. In order to improve the protection of the territorial integrity of the state using criminal law means, the author suggests implementing the experience of the Russian Federation into the criminal legislation of the Kyrgyz Republic and criminalizing such non-violent methods of separatism as public appeals to violating the territorial integrity of the state and a public propaganda of separatism. One of the problems of criminal prosecution for separatist actions is a poor definition of the features of its subject when the crime is committed in a violent manner. Thus, establishing the features of the general subject in cases of violating the territorial integrity of the state does not only lead to the confusion of this crime with related crimes, but also makes it difficult to incriminate a specific person because violent separatist actions can hardly be performed by a separate person. The identified flaws in the structure of the criminal law norm and the suggested ways of eliminating them can be viewed as directions for the further improvement of ensuring the territorial integrity of the state by means of criminal legislation of the Kyrgyz Republic.

В настоящее время на территории постсоветского пространства актуализируются вопросы обеспечения национальной безопасности каждого государства и соблюдения принципа их территориальной целостности.

Одним из деяний, посягающих на национальную безопасность государств, выступает сепаратистская деятельность, которая запрещена нормами уголовного законодательства. При этом одна из основных проблем реализации уголовной ответственности за сепаратистскую деятельность — отсутствие четкой дефиниции такой деятельности, отображающей все ее содержательные характеристики. Единственное нормативное закрепление понятия «сепаратистская деятельность» содержится в п. 2 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (далее — Шанхайская конвенция): «Сепаратизм — какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»¹. Однако данное

определение невозможно считать универсальным ввиду ограниченного количества участников Шанхайской организации сотрудничества, в число которых из всего массива существующих государств на современной карте мира входят только девять — Российская Федерация, Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Узбекистан, Иран, Китай, Индия и Пакистан. Иными словами, положения Шанхайской конвенции распространяют свое действие только на ее участников. Сепаратизм же влечет угрозу национальной безопасности и территориальной целостности гораздо большего числа государств. Как отмечает М.В. Жамков, на протяжении всего XX в. и в начале XXI в. на планете возникло 53 основных очагов сепаратизма, занявших (суммарно) площадь 12,7 млн км² (8,5 % площади суши), на которых сконцентрировано около 4 % населения планеты (приблизительно 220 млн чел.) [1, с. 101]. При этом сепаратизм не всегда носит исключительно негативную окраску. По мнению Н.Л. Турова, «причиной возникновения большинства новых государств выступает прямой (отделение части от общего) или косвенный (распад многосоставных обществ) сепаратизм. За исключением бывшего Советского Союза и некоторых государств Восточной Европы (бывшая Югославия и Чехословакия) открытые сепаратистские движения не привели к политической независимости» [2, с. 5].

Законодатель Кыргызской Республики сформулировал диспозицию уголовно-правовой

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // СПС «Гарант».

нормы о запрете сепаратистской деятельности с учетом приведенной дефиниции сепаратизма, содержащейся в Шанхайской конвенции. Так, в ст. 328 Уголовного кодекса Кыргызской Республики предусматривается наступление уголовной ответственности за следующее деяние, составляющее сепаратистскую деятельность: «деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части территории или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем»². Однако такую конструкцию нельзя признать удачной, так как предусматривается наступление уголовной ответственности только за насильственный способ совершения данного деяния. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения особенностей состава сепаратистской деятельности и поиска путей совершенствования конструкции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за сепаратистскую деятельность в законодательстве Кыргызской Республики.

Основным объектом преступного посяательства при сепаратистской деятельности выступают общественные отношения, направленные на обеспечение и защиту территориальной целостности отдельного государства. Однако существует позиция, изложенная Д.О. Чернявским, в соответствии с которой объектом сепаратистского преступления выступают «общественные отношения, складывающиеся на основе власти и подчинения, между государством, с одной стороны, и органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами — с другой, по поводу обеспечения территориальной целостности под которой автор понимает сложившуюся исторически нераздельность, единство государственной территории и границы, и функционирования системы органов государственной власти» [3, с. 9]. Такое изложение объекта состава преступления сепаратистской деятельности представляется спорным, так как оно не иллюстрирует, что таким общественным отношениям причиняется вред в результате совершения преступления. Наиболее емким по своему содержанию представляется объединенное определение объекта сепаратистской деятельности, сформулированное Т.Р. Сабитовым: «Территориальная целостность

будет нарушена не только в случае потери государством части территории в связи с ее переходом под контроль другого государства, но и в случае невозможности осуществления федеральной юрисдикции в отношении, например, субъекта Российской Федерации при неподчинении его органов федеральной власти в соответствии с Конституцией РФ. В этом случае речь идет о незаконном отделении части территории от Российской Федерации и создании нового государства» [4, с. 44].

Следовательно, более корректным является отнесение к объекту преступления сепаратистской деятельности именно общественных отношений, связанных с территориальной целостностью государства. Территориальная целостность является одним из основных принципов существования конкретного государства. Следует отметить, что, несмотря на высокую значимость для каждого государства защищенности его территориальной целостности, определение этого понятия на международном уровне не закреплено. На данную проблему обращал внимание Н.В. Остроухов: «Ввиду отсутствия в международном праве определения территориальной целостности государства, являющегося ключевым вопросом при ее обеспечении, различного ее толкования в философских, правовых, политологических и иных научных работах, предлагается под территориальной целостностью государства понимать качественную характеристику государства, отражающую состояние ее безопасности, проявляющуюся в единстве территории, на которую распространяется суверенитет государства, и определяемую способностью государства сохранять свою территорию в пределах установленных в соответствии с международным правом границ, противодействовать внешним и внутренним угрозам, направленным на их изменение» [5, с. 8].

В нормах законодательства Кыргызской Республики принцип территориальной целостности находит свое выражение в ч. 1 ст. 3 Конституции Кыргызской Республики: «Территория Кыргызской Республики в пределах ее границ целостна и неприкосновенна»³. Дополняет действие принципа территориальной целостности положение, закрепленное ч. 3 ст. 3 Закона Кыргызской Республики «О Государственной границе Кыргызской Республики»: «Территория Кыргызской

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065.

³ Конституция Кыргызской Республики : закон Кыргыз. Респ. от 5 мая 2021 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34355174.

Республики в существующих границах неприкосновенна и неделима»⁴. Таким образом, для территории Кыргызской Республики в контексте ее правовой охраны характерными выступают такие признаки, как целостность, неприкосновенность и неделимость. Следовательно, любые из посягательств, нарушающие данные признаки территории государства как объекта правовой охраны, являются противоправными [6, с. 89].

Принцип неприкосновенности территориальной целостности также закреплен на международном уровне и входит в число основных принципов международного права, закрепленных Уставом ООН: «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций»⁵ (п. 4 ст. 2 Устава ООН). Однако на международном уровне защита территориальной целостности государства предусматривается от внешних посягательств на национальную безопасность страны. В таком контексте территориальная целостность существует в тесной взаимосвязи с политической независимостью (суверенитетом). Так, К. Марксен (C. Marxsen) отмечает: «Территория признается не просто необходимым условием государственности. Закон в его нынешнем виде тесно связывает территориальную целостность и политическую независимость, поскольку территория признается пространственной структурой и необходимым условием реализации политической независимости. Территория — это исключительная зона, в которой политическая независимость государства может найти свое выражение и где иностранные правительства не могут — в принципе — вмешиваться. Как следствие, территориальная целостность требует не только защиты от постоянного изменения границ, но и защиты от всякого рода вмешательства на территорию государства извне» [7, р. 10]. Как отмечал Х. Лаутерпахт (H. Lauterpacht), территориальная целостность — это, особенно в со-

четании с «политической независимостью», синоним территориальной неприкосновенности [8, р. 154].

Согласно Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики, сепаратистская деятельность относится в равной степени как к внешним, так и к внутренним угрозам национальной безопасности⁶. Опасность сепаратизма при внешней угрозе, в числе прочего, по мнению Д. Гиблера (D. Gibler) и С. Миллера (S. Miller), выражается в том, что государство прибегает к любым методам, в том числе насильственным, для сохранения собственной территориальной целостности. Столь жесткая реакция государства обуславливается тем, что в сепаратистском регионе «иностранное враждебное государство может приобрести себе союзника (сателлита) в лице лидеров и населения» данного региона [9, р. 634]. В таком аспекте сепаратизм приобретает характер внешней угрозы. Отмечая опасность рассматриваемого аспекта сепаратизма, Р.М. Скулаков определяет, что мотивы актора внешнеполитического вмешательства в усиление сепаратистской деятельности в проблемном регионе могут быть различными, прежде всего это «усиление своего влияния на международной арене и извлечение выгоды из поставок вооружения участникам конфликта. Надо сказать, что внешнеполитический фактор сепаратизма весьма опасен. Целью вмешательства извне является не решение внутренних противоречий между этносами, а геополитический контроль над территорией государств» [10, с. 61]. Таким образом, сепаратистская деятельность, сопровождаемая активным внешним недружественным участием, ставит в условия реальной угрозы национальную безопасность, территориальную целостность и суверенитет страны.

Сепаратизм как внутренняя угроза национальной безопасности находит свое выражение в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы, предусматривающей наступление уголовной ответственности за сепаратистскую деятельность.

Как следует из диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за сепаратистскую деятельность, объективная сторона рассматриваемого состава

⁴ О Государственной границе Кыргызской Республики : закон Кыргыз. Респ. от 16 мая 2015 г. № 98. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=75782.

⁵ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

⁶ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики : прил. к указу Президента Кыргыз. Респ. от 20 дек. 2021 г. № 570 // Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815ю>.

преступления характеризуется действием. Законодатель не конкретизирует, какими именно действиями может быть совершено данное преступление. В научной литературе приводятся разнообразные примеры сепаратистских действий. Так, проводя исторический обзор особенностей государственного развития Российской Федерации, Е.А. Колодина приводит следующие примеры проявления регионального сепаратизма: «Попытка отделения от страны (Чеченская Республика); отказ перечислять налоги в федеральный бюджет (Республика Татарстан); несоответствие регионального законодательства федеральному» [11, с. 31]. Однако собственно проявлением сепаратизма по смыслу уголовно-правовой нормы можно считать только первый из приведенных Е.А. Колодиной примеров, так как такая попытка отделения сопровождалась многолетним военным столкновением и повлекла множественные человеческие жертвы, гонения русскоязычного населения и другие критические последствия, в том числе и экономического характера.

Обращаясь к законодательному закреплению состава сепаратистской деятельности, следует отметить, что не любые действия, направленные на нарушение территориальной целостности государства, будут признаны сепаратистскими, а только такие, которые совершаются насильственным путем. Вместе с тем в доктринальных определениях сепаратизма исследователи неоднократно упоминают, что сепаратизм может совершаться не только насильственным способом. Так, П.В. Клячков и С.А. Подъяпольский пишут: «Сепаратизм — деятельность, направленная на подрыв целостности государства путем отделения от последнего какой-либо его части. Эта деятельность может выражаться как в насильственных действиях, так и в информационно-психологическом и гуманитарно-технологическом воздействии» [12]. Е. Кара к объективной стороне сепаратистских действий относит «организацию и проведение сепаратистских референдумов, публичные призывы к осуществлению сепаратистских действий, включая выпуск, сохранение и распространение сепаратистских материалов (без подстрекательства к насилию), публичное оправдание сепаратизма, финансирование сепаратистских действий, использование политических лозунгов с сепаратистским содержанием, оказание поддержки иностранным государствам или организациям в осуществлении сепаратистских действий и т.д.» [13].

Законодатель Кыргызской Республики в составе признаков объективной стороны сепаратистской деятельности указывает следующие: нарушение территориальной целостности государства; отделение от государства части территории; дезинтеграцию государства.

По нашему мнению, все указанные деяния по своей содержательной сущности не отличаются друг от друга. Так, нарушение территориальной целостности может производиться только отделением части государства, а дезинтеграция государства представляет собой распад государства на части. Иными словами, в рамках рассматриваемого состава преступления все деяния, составляющие объективную сторону сепаратистской деятельности, предусмотренные в уголовном законодательстве Кыргызской Республики, невозможно разграничить друг от друга. Следовательно, такая конструкция диспозиции уголовно-правовой нормы не отличается совершенством. Учитывая изложенное, предлагаем отказаться от употребления в диспозиции ст. 328 Уголовного кодекса Кыргызской Республики указания на альтернативные деяния и ограничиться закреплением запрета нарушения территориальной целостности государства.

Учитывая то, что в законодательстве Кыргызской Республики закреплён принцип территориальной целостности, неделимости и неотчуждаемости территории, сепаратистская деятельность будет считаться окончательным преступлением с начала выполнения действий, направленных на нарушение территориальной целостности.

Определяя в диспозиции уголовно-правовой нормы способ совершения преступления, законодатель устанавливает границу криминализации деяния. Таким образом, любые другие действия, направленные на отделение территории государства, которые были совершены ненасильственным способом, остаются вне пределов действия уголовно-правовой нормы.

В связи с этим В.Н. Воронин задает спорный вопрос: «Если речь не идет непосредственно о насильственном нарушении территориальной целостности, то может ли слово, выраженное в призыве нарушить охраняемый объект?» [14, с. 104]. Ответ на данный вопрос обнаруживается в уголовном законодательстве Российской Федерации, где уже предусмотрен ряд норм, содержащих уголовно-правовой запрет публичных призывов к осуществлению определенной деятельности: ст. 110.2 УК РФ

запрещает в числе прочего призывы к совершению самоубийства; ст. 105.2 УК РФ — публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; ч. 3 ст. 212 УК РФ — призывы к массовым беспорядкам или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами; ст. 280 УК РФ — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; ст. 280.1 УК РФ — публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации; ст. 354 УК РФ — публичные призывы к развязыванию агрессивной войны [14, с. 104]. Следует отметить, что в рамках гл. 41 Уголовного кодекса Кыргызской Республики «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» также содержится норма об ответственности за публичные призывы к совершению преступления — публичные призывы к насильственному захвату власти (ст. 327). Учитывая имеющийся опыт практики установления уголовного запрета публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности государства, предусмотренный в уголовном законодательстве Российской Федерации, считаем целесообразным включение аналогичной нормы в уголовное законодательство Кыргызской Республики.

Следует отметить, что в российской уголовно-правовой науке существуют позиции, содержащие резкую критику установления уголовной ответственности за публичные призывы к сепаратистской деятельности. Так, А.Э. Мамедов и И.В. Титовец отмечают, что по ст. 280.1 УК РФ активно осуществляется преследование и за ненасильственные призывы к сепаратизму, действия или сецессии (либо ошибочно так истолкованные) — марш, пикет, референдум, желание большей федерализации или изменения административных границ внутри РФ и т.д. [15]. Е.П. Сергун видит в установлении уголовно-правового запрета публичных призывов к осуществлению сепаратистской деятельности угрозу для реализации конституционного принципа свободы слова [16, с. 224]. На необходимость включения в число объективных признаков сепаратизма ненасильственных способов его совершения обращает свое внимание Н.А. Кудратов: «...объективная сторона сепаратизма заключается: в пропаганде или публичных призывах к нарушению унитарности и целостности государства, а также неприкосновенности и неотчуждаемости

ее территорий; в дезинтеграции государства; в умышленных действиях, совершенных с целью изменения границ территории или государственной границы; в публичном призыве и распространении материалов с призывами к изменению границ территории или государственной границы» [17, с. 101]. Указывая на возможность совершения сепаратизма посредством призывов к нарушению территориальной целостности И.А. Григорова пишет: «Призывы должны носить исключительно агрессивный характер, т.е. виновное лицо должно призывать к насильственному захвату чужой территории» [18, с. 118].

В юридической литературе существует позиция, в соответствии с которой высказывается предположение о том, что рамками уголовного закона вообще невозможно охватить все составляющие такого деяния, как сепаратизм. Так, В. Кубальский пишет: «Уголовная ответственность за сепаратизм может наступить только за конкретные преступления, в которых сепаратизм проявляется как явление. В связи с этим принимать предложения по законодательному определению состава преступления «сепаратизм» нецелесообразно из-за особой сложности этого понятия, ведь сепаратизм представляет собой комплекс действий, а статья, как правило, предполагает ответственность за конкретное действие. На современном этапе целесообразно принять специальный закон о противодействии сепаратизму, чтобы системно противодействовать этому негативному явлению» [19, р. 408]. Однако такая позиция, по нашему мнению, представляется недостаточно корректной, так как даже при принятии отдельного нормативного правового акта о противодействии сепаратизму, ответственность за совершение сепаратистской деятельности иначе чем в рамках уголовного законодательства устанавливаться не может.

Субъективная сторона сепаратистской деятельности характеризуется умышленной формой вины. Обязательным признаком субъективной стороны в рамках рассматриваемого состава выступает наличие специальной цели преступного деяния — нарушение территориальной целостности государства. Виновный осознает общественную опасность своих действий и желает их совершить.

Особенная сложность привлечения к уголовной ответственности за сепаратистскую деятельность связана с субъектом преступления. Так, законодатель устанавливает, что субъектом совершения сепаратистской деятельности является

общий субъект преступления, а именно физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста.

По нашему мнению, реализация уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за сепаратизм в действующей редакции ст. 328 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, практически невозможна. Так, сложно представить ситуацию, когда отдельному физическому лицу с использованием насильственного способа удастся нарушить территориальную целостность государства. В случае же, когда население отдельной административно-территориальной единицы внезапно решит «обрести независимость» или «войти в состав другого государства», определение круга субъектов и привлечение виновных к уголовной ответственности становится практически нереализуемой задачей.

Подводя итоги изложенному, предлагаем под сепаратистской деятельностью понимать деяния, совершенные насильственным путем, направленные на подрыв целостности государства путем отделения от последнего какой-либо его части, а равно информационно-психологическое и гуманитарно-технологическое воздействие [20, с. 6], осуществляемое в целях подрыва

ва территориальной целостности государства. Рамками предложенной дефиниции охвачена не только собственно сепаратистская деятельность, но и призывы к ее осуществлению, пропаганда сепаратистской деятельности и другие возможные формы ее реализации, которые ранее не входили в поле действия уголовного законодательства.

В уголовном законодательстве Кыргызской Республики целесообразно отказаться от включения в дефиницию ст. 238 Уголовного кодекса альтернативных деяний и ограничиться запретом нарушения территориальной целостности государства.

Представляется целесообразным криминализировать сепаратистскую деятельность, совершаемую ненасильственным путем, а именно публичные призывы к нарушению территориальной целостности государства, пропаганду сепаратизма.

Необходимо продолжать поиск путей совершенствования признаков субъекта сепаратистской деятельности, так как установление общего субъекта преступления при насильственном способе совершения такой деятельности усложняет практику правоприменения соответствующей уголовно-правовой нормы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жамков М.В. Сепаратизм и способы противодействия ему / М.В. Жамков. — EDN FGSICC // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 15. — С. 98–118.
2. Туров Н.Л. Феномен сепаратизма в современном мире : аналит. обзор / Н.Л. Туров. — Москва, 2021. — 62 с. — EDN VGYRHK.
3. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.О. Чернявский. — Москва, 2017. — 28 с.
4. Сабитов Т.Р. Уголовная ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации (статья 280.2 УК РФ) / Т.Р. Сабитов. — EDN OOCNMS // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2022. — № 2 (60). — С. 43–50.
5. Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Н.В. Остроухов. — Москва, 2010. — 63 с. — EDN QHAVEB.
6. Жунушова Г.Б. Общественная опасность сепаратистской деятельности в контексте угроз национальной безопасности / Г.Б. Жунушова. — EDN AEIRHZ // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2020. — Т. 20, № 7. — С. 88–92.
7. Marxsen C. Territorial Integrity in International Law — Its Concept and Implications for Crimea / C. Marxsen // The Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. — 2015. — Vol. 75. — P. 7–26.
8. Oppenheim L. International Law. Disputes, War and Neutrality / L. Oppenheim. — 7th ed. — London : Longmans Green & Co., 1952. — 941 p.
9. Gibler D. External territorial threat, state capacity, and civil war / D. Gibler, S. Miller // Journal of peace research. — 2014. — Vol. 51, № 5. — P. 634–646.
10. Скулаков Р.М. Сепаратизм как угроза территориальной целостности государств / Р.М. Скулаков. — EDN TQIPPL // Вестник Дагестанского государственного университета. — 2015. — Т. 30, № 2. — С. 58–64.
11. Колодина Е.А. Трансформации региональной политики в постсоветской России / Е.А. Колодина. — EDN HWEDYA // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2008. — № 3 (59). — С. 30–36.
12. Клачков П.В. Эффективное противодействие сепаратизму в современных условиях / П.В. Клачков, С.А. Подъяпольский. — EDN RVDJBX // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 920.
13. Cara E. Reflections on the legality of criminalization of separatist actions within the republic of Moldova / E. Cara // Studia Securitatis. — 2018. — Vol. 11, № 1. — P. 105–113.

14. Воронин В.Н. Уголовно-правовой запрет на сепаратизм: социальная обусловленность и вопросы правоприменительной практики / В.Н. Воронин. — DOI 10.21779/2224-0241-2019-29-1-102-109. — EDN KJHVLР // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 102–109.
15. Мамедов А.Э. Новое об уголовной ответственности за сепаратизм (правовая оценка ст. 280.1 и ст. 280.2 УК РФ) / А.Э. Мамедов, И.В. Титовец. — DOI 10.24411/2658-4964-2021-10320. — EDN CZMKNK // StudNet. — 2021. — Т. 4, № 1. — С. 62.
16. Сергун Е.П. Вопросы уголовно-правовой квалификации публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации / Е.П. Сергун. — EDN UHREPB // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 3 (104). — С. 220–226.
17. Кудратов Н.А. К вопросу о криминализации сепаратизма в уголовном законе Республики Таджикистан / Н.А. Кудратов. — DOI 10.17223/23088451/15/19. — EDN DILTCU // Уголовная юстиция. — 2020. — № 15. — С. 97–102.
18. Григорова И.А. Уголовно-правовая охрана территориальной целостности Российской Федерации / И.А. Григорова. — DOI 10.35750/2071-8284-2022-2-114-128. — EDN RJCUEJ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 2 (94). — С. 114–128.
19. Kubalskyi V. Bases of criminal legal counteraction to separatism / V. Kubalskyi // *Pravova derzhava*. — 2020. — Vol. 31. — P. 408–416.
20. Клачков П.В. Понятие и значение сепаратизма / П.В. Клачков, С.А. Подъяпольский. — EDN RRUCJ // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 12. — С. 6.

REFERENCES

1. Zhamkov M.V. Separatism and Ways to Counter It. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*, 2021, no. 15, pp. 98–118. (In Russian). EDN: FGSICC.
2. Turov N.L. *The Phenomenon of Separatism in the Modern World*. Moscow, 2021. 62 p. EDN: VGYPXK.
3. Chernyavskii D.O. *Criminal Law Characteristics of Public Appeals for Violating the Territorial Integrity of the Russian Federation*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2017. 28 p.
4. Sabitov T.R. Criminal Liability for Violating the Territorial Integrity of the Russian Federation (Article 280.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2022, no. 2, pp. 43–50. (In Russian). EDN: OOCNMS.
5. Ostroukhov N.V. *Territorial Integrity of States in Modern International Law and its Protection in the Russian Federation and the Post-USSR Space*. Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2010. 63 p. EDN: QHAVEB.
6. Junushova G.B. Social Danger of Separatist Activity in the Context of Threat to National Security. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta = Herald of KRSU*, 2020, vol. 20, no. 7, pp. 88–92. (In Russian). EDN: AEIRHZ.
7. Marxsen C. Territorial Integrity in International Law — Its Concept and Implications for Crimea. *The Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 2015, vol. 75, pp. 7–26.
8. Oppenheim L. *International Law. Disputes, War and Neutrality*. 7th ed. London, Longmans Green & Co., 1952. 941 p.
9. Gibler D., Miller S. External Territorial Threat, State Capacity, and Civil War. *Journal of Peace Research*, 2014, vol. 51, no. 5, pp. 634–646.
10. Skulakov R.M. Separatism as a Threat the Territorial Integrity of the State. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Dagestan State University*, 2015, vol. 30, no. 2, pp. 58–64. (In Russian). EDN: TQIPPL.
11. Kolodina E.A. Transformation of Regional Policy in Post-Soviet Russia. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2008, no. 3, pp. 30–36. (In Russian). EDN: HWEDYA.
12. Klachkov P.V., Podyapolskiy S.A. The Effective Response to Separatism in the Current Situation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 6, pp. 920. (In Russian). EDN: RVDBJX.
13. Cara E. Reflections on the Legality of Criminalization of Separatist Actions within the Republic of Moldova. *Studia Securitatis*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 105–113.
14. Voronin V.N. The Criminal Law Prohibition of Separatism: Social Conditioning and Enforcement Issues. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 102–109. (In Russian). EDN: KJHVLР. DOI: 10.21779/2224-0241-2019-29-1-102-109.
15. Mamedov A.E. New on Criminal Liability for Separatism (Legal Assessment Art. 280.1 & Art. 280.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *StudNet*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 62. (In Russian). EDN: CZMKNK. DOI: 10.24411/2658-4964-2021-10320.
16. Sergun E.P. Issues Relating to Criminal Law Qualifications of Public Calls for Action Aimed at Violation of Territorial Integrity of the Russian Federation. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2015, no. 3, pp. 220–226. (In Russian). EDN: UHREPB.
17. Kudratov N.A. On the Criminalization of Separatism in the Criminal Law of the Republic of Tajikistan. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2020, no. 15, pp. 97–102. (In Russian). EDN: DILTCU. DOI: 10.17223/23088451/15/19.
18. Grigorova I.A. Criminal and Legal Protection of the Territorial Integrity of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2022, no. 2, pp. 114–128. (In Russian). EDN: RJCUEJ. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-2-114-128.
19. Kubalskyi V. Bases of Criminal Legal Counteraction to Separatism. *Pravova Derzhava*, 2020, vol. 31, pp. 408–416.
20. Klachkov P.V., Podyapolskiy S.A. Concept and Meaning of Separatism. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2013, no. 12, pp. 6. (In Russian). EDN: RRUCJ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жунушова Гульнура Болотбековна — доцент кафедры уголовного права и криминологии Кыргызско-Российского

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Junushova, Gulnura B. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Kyrgyz-Russian Slavic Uni-

Славянского университета имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, кандидат юридических наук, доцент, г. Бишкек, Кыргызская Республика; e-mail: junushova78@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3000-1843.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Жунушова Г.Б. Проблемы ответственности за сепаратистскую деятельность по уголовному праву Кыргызской Республики / Г.Б. Жунушова. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(3).273-281. — EDN GBXHLE // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 3. — С. 273–281.

versity named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Bishkek, the Kyrgyz Republic; e-mail: junushova78@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3000-1843.

FOR CITATION

Junushova G.B. Problems of Liability for Separatist Actions Under the Criminal Law of the Kyrgyz Republic. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 273–281. (In Russian). EDN: GBXHLE. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(3).273-281.